

В. Я. Петров (Вен.)

TOM 36

Владимир Ильич Ленин
Полное собрание сочинений.
Том 36. Март – июль 1918
Серия «Полное собрание
сочинений в 55-ти томах», книга 36

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083731

*Полное собрание сочинений: Издательство политической литературы;
Москва; 1969*

Аннотация

В 36 том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в марте – июле 1918 года, в период первой мирной передышки, достигнутой заключением Брестского договора.

Содержание

Предисловие	6
1918 г.	34
Седьмой экстренный СЪЕЗД РКП(б){ 1 }	34
1. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта	35
2. Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета 8 марта	67
3. Резолюция о войне и мире{ 21 }	77
4. Выступления против поправок Троцкого к резолюции о войне и мире 8 марта{ 22 }	79
1	79
2	81
5. Выступление против заявления группы «левых коммунистов» о поддержке поправки Троцкого 8 марта{ 23 }	82
6. Дополнение к резолюции о войне и мире 8 марта	82
7. Выступление против поправки Зиновьева к дополнению к резолюции о войне и мире 8 марта	83
8. Предложение по поводу резолюции о войне и мире 8 марта	84
1	84

9. Доклад о пересмотре программы и
изменении названия партии 8 марта{25}

Конец ознакомительного фрагмента.

Комментарии

В. И. Ленин
Полное собрание
сочинений
Том 36
Март ~ июль 1918

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета
Коммунистической Партии Советского Союза

Предисловие

В 36 том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в марте – июле 1918 года, в период первой мирной передышки, достигнутой заключением Брестского договора.

Выход из империалистической войны, укрепление Советской власти по всей стране, переход в распоряжение государства рабочих и крестьян командных высот в ряде важных отраслей народного хозяйства – все это определило новую полосу развития социалистической революции в России. Советское государство впервые получило возможность сосредоточить основные силы на мирном хозяйственном и культурном строительстве, уделять главное внимание решению величайших задач создания нового, социалистического общества. В этот период Ленин продолжает разрабатывать основы научного плана социалистического строительства в нашей стране.

Возглавляемый партией коммунистов советский народ приступил к строительству нового общества в труднейших условиях. Советское государство находилось в кольце враждебных империалистических держав, которые готовились к военной интервенции против Республики Советов. Опираясь на поддержку иностранных империалистов, ожесточенную борьбу против Советской власти вели эксплуататорские

классы. Трудности социалистического строительства усугублялись социально-экономической, технической и культурной отсталостью, унаследованной от старого строя; к тому же народное хозяйство страны было крайне подорвано и разорено первой мировой войной. Чтобы преодолеть эти трудности и вывести страну на широкую дорогу строительства новой жизни, от партии и народа требовались героические усилия.

Вооруженная ленинским планом, Коммунистическая партия вдохновила и организовала рабочих и крестьян России на самоотверженный труд по переустройству всей жизни на социалистических началах. В произведениях настоящего тома ярко отражена многогранная, сочетавшая величайшую революционную решительность и твердость с гибкостью и осмотрительностью, деятельность Ленина по руководству партией и государством, народными массами в этих сложных условиях.

Том открывается материалами состоявшегося 6–8 марта 1918 года VII Экстренного съезда РКП(б), первого съезда большевистской партии после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Его решения явились важной вехой в жизни не только Советской республики, но и всего мира. Съезд был созван для окончательного решения вопроса о мире. Необходимость экстренного созыва съезда диктовалась тем, что в Центральном Комитете партии и в некоторых местных партийных организациях не было единства

по вопросу о выходе из войны с Германией. Борьба вокруг Брестского мира приняла острый и опасный характер, угрожая привести к расколу партии. В ходе этой борьбы Ленин показал, что разногласия «левых коммунистов» и троцкистов с партией вытекают из отрицания ими возможности победы социализма в одной стране, из ошибочной установки, будто сохранение диктатуры пролетариата и завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции возможно только при условии победы мировой социалистической революций, которую надо «подталкивать» посредством войны с мировым империализмом.

Ленин, опровергая утверждения «левых коммунистов», что заключение мира с Германией якобы ослабит международную революцию, подчеркивал, что именно в интересах мирового революционного движения необходимо сохранить Советскую республику, отстаивать социалистическое отечество. Он убедительно доказал, что сохранение свободы и независимости первого в истории государства трудящихся, обеспечение развития Советского государства по пути социализма и коммунизма в конечном счете определяли будущее человечества. Настойчивая, упорная борьба Ленина против «левых коммунистов» и троцкистов привела к перелому: перед съездом партии большинство партийных организаций поддерживало линию Ленина и высказалось за заключение Брестского мира, подписанного по решению ЦК партии и ВЦИК 3 марта 1918 года.

Ленин направлял всю работу съезда, проходившего в атмосфере напряженной борьбы с «левыми коммунистами» и троцкистами. Он выступил на съезде с политическим отчетом Центрального Комитета, в котором дал глубокий анализ развития социалистической революции в России, международной обстановки и мирового революционного движения; всесторонне обосновал положение о том, что выход из войны и завоевание мирной передышки насущно необходимы для упрочения Советской власти, наметил перспективы развертывания социалистического строительства и задачи по укреплению обороноспособности Советского государства.

Ленин решительно выступил против авантюристических лозунгов «левых коммунистов» об ускорении, «подталкивании» международной революции путем революционной войны. «Революции, – учил Ленин, – не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин» (настоящий том, стр. 531). Люди, которые думают, что революция может произойти в какой-нибудь стране по заказу, по соглашению, путем «подталкивания» извне – «либо безумцы, либо провокаторы» (стр. 457).

Большинством голосов съезд партии принял ленинскую резолюцию о необходимости утвердить подписанный Советским правительством мирный договор с Германией. Состоявшийся 14–16 марта 1918 года IV Чрезвычайный Всерос-

сийский съезд Советов, заслушав доклад Ленина, ратифицировал Брестский мирный договор.

Добившись мирной передышки, Ленин, Коммунистическая партия и Советское правительство принимали меры к тому, чтобы установить нормальные отношения с капиталистическими странами, наладить с ними торговлю, являющуюся важнейшим фактором мирного сосуществования. В докладах на VII съезде партии, на IV и V Всероссийских съездах Советов, в докладах и выступлениях на заседаниях ВЦИК, в интервью корреспонденту газеты «Folkets Dagblad Politiken», впервые включаемом в Сочинения, – всюду Ленин проводит ту мысль, что «создать лучший порядок... с помощью войны и кровопролития нельзя» (стр. 484). Ленин постоянно подчеркивал готовность Советского правительства сделать все необходимое, чтобы мирная передышка длилась как можно дольше. «Мы, – говорил он, – обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира» (стр. 343), но если империалисты нападут на Советскую Россию, предупредил Ленин, наш миролюбивый народ, все трудящиеся «встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой» (стр. 525).

Советская власть – верный и последовательный поборник мира во всем мире. Лежащий в основе внешней политики Советского государства важнейший принцип мирного сосуществования государств с различными общественно-экономическими системами на основе признания полного равно-

правия всех народов, уважения их суверенитета и независимости, невмешательства в их внутренние дела – принцип, провозглашенный историческим ленинским Декретом о мире, – последовательно проводился в жизнь с первых же дней существования Советской власти. Этот принцип был и остается генеральной линией внешней политики Советского Союза.

В докладе на VII съезде партии о пересмотре программы и изменении названия партии Ленин обосновал необходимость впредь именовать партию Российской коммунистической партией (большевиков). Это название, говорил он, научно правильно, ибо ясно определяет цель, к которой направлены намеченные партией преобразования, – «цель создания коммунистического общества» (стр. 44). Отказываясь от старого названия, указывал Ленин, наша партия заявляет перед трудящимися всего мира о своем разрыве с руководимыми оппортунистическими лидерами социалистическими партиями.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции главная задача, поставленная первой Программой партии, – свержение господства буржуазии и установление диктатуры пролетариата – была выполнена. В новых исторических условиях нужна была новая Программа партии, которая определила бы основные задачи социалистического строительства. В первом разделе розданного делегатам съезда «Чернового наброска проекта программы» (см. стр. 70–

76) Ленин изложил отправные положения новой Программы, сформулировал задачи в политической, экономической и международной области. Придавая исключительно важное значение опыту социалистического строительства в Советской России, Ленин требовал, чтобы Программа конкретно показывала «европейским рабочим, за что мы взялись, как взялись» (стр. 51). В то же время он учитывал возможность своеобразия форм перехода от капитализма к социализму в разных странах, указывал, что «в Европе эти переходные стадии будут иными» (стр. 49).

Ленин предложил раскрыть в новой Программе партии сущность и величайшие преимущества Советской власти «как формы, – опытом уже проверенной, массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы, – диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев)» (стр. 71–72). В «Черновом наброске проекта программы» и ряде других работ, в том числе во впервые публикуемом в Сочинениях наброске «О демократизме и социалистическом характере Советской власти», Ленин развивает учение о Советах как форме диктатуры пролетариата, показывает принципиальное отличие и превосходство пролетарской демократии над демократией буржуазной. Это отличие, подчеркивал Ленин, заключается в перенесении центра тяжести в вопросах демократизма «от формального **признания** свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению **пользования** свободами

со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров» (стр. 73–74). Одно из решающих преимуществ социалистического демократизма Ленин видел в привлечении всех трудящихся к управлению государством. «Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это – гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами» (стр. 53). Великие принципы советского демократизма были законодательно воплощены в принятой V Всероссийским съездом Советов первой Советской Конституции, разработанной под руководством и при непосредственном участии В. И. Ленина.

Единогласно приняв ленинскую резолюцию о переименовании партии в Российскую коммунистическую партию (большевиков), съезд избрал комиссию во главе с Лениным для составления Программы партии. Разработка Программы Коммунистической партии была закончена в 1919 году. VIII съезд РКП(б) по докладу В. И. Ленина принял новую Программу, которая охарактеризовала завоевания великой Октябрьской социалистической революции и определила задачи партии на переходный период от капитализма к социализму.

Центральное место в томе занимают произведения: «Очередные задачи Советской власти», «Главная задача наших дней», «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»,

«Набросок плана научно-технических работ», «Основные положения хозяйственной и в особенности банковской политики» и другие, в которых Ленин, теоретически обобщая практику революционных экономических преобразований, опыт трудящихся масс в творчестве новой жизни, разрабатывает основные положения научного плана построения социализма в России, намечает практические шаги социалистического строительства, главное направление экономической политики пролетарского государства в переходный от капитализма к социализму период, вырабатывает принципы советского хозяйствования.

Ленинский план строительства социализма предусматривал социалистическое обобществление основных средств производства, создание современной индустрии, электрификацию народного хозяйства, преобразование мелкого крестьянского хозяйства на социалистических началах, осуществление культурной революции. Советская страна, указывал Ленин, располагает всем необходимым для построения социалистического общества. «У нас, – писал он, – есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь». Ленин призвал трудящихся напрячь все силы для того, чтобы «собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества» (стр. 80).

Ленинский план социалистического строительства основывался на объективных закономерностях перехода от капитализма к социализму, всецело отвечал назревшим потребностям общественного развития страны, опирался на глубокий научный анализ экономики и классов переходного периода. Раскрывая своеобразие экономики России в переходный период, Ленин показал, что в ней переплетались «элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма», элементы пяти различных общественно-экономических укладов (патриархальное, мелкое товарное производство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм, социализм). Экономика переходного периода соединяет в себе черты и свойства строящегося социализма и свергнутого, но еще не уничтоженного капитализма; борьба между социализмом и капитализмом составляет основное содержание переходного периода, задача которого – создание «таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» (стр. 175).

В борьбе с «левыми коммунистами», выступавшими против руководящей роли Советского государства в социалистическом строительстве, Ленин обосновывает положение о решающей роли диктатуры пролетариата в осуществлении социалистических преобразований; диктатура пролетариата, подчеркивал он, является «гвоздем» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма. Ленин убедительно показал, что только диктату-

ра пролетариата способна осуществить громадную и длительную работу по созданию и развитию социалистического уклада, по ограничению и вытеснению капиталистических элементов в городе и деревне, по социалистическому преобразованию мелкотоварного хозяйства; только диктатура пролетариата может обеспечить победу социализма.

Теорией и практикой научного коммунизма, историческим опытом Советского Союза доказано, что диктатура пролетариата, организующая и сплачивающая массы, осуществляющая плановое руководство экономическим и культурным строительством, обеспечивающая защиту революционных завоеваний трудящихся масс, является основным орудием социалистического преобразования общества. Важнейшее положение марксистско-ленинской теории о роли диктатуры пролетариата в революционном переустройстве общества воплощено и в новой Программе КПСС.

Намечая перспективы социалистического строительства и определяя основные задачи диктатуры пролетариата в экономической области, Ленин поставил задачу «довести до конца, завершить начатую уже экспроприацию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик, заводов, железных дорог, банков, флота и прочих средств производства и обращения в собственность Советской республики» (стр. 71). В результате первых революционных преобразований в области экономики уже к весне 1918 года важнейшие предприятия были национализированы, социалистический уклад за-

нял решающие позиции в крупной промышленности. Однако практическое овладение национализированными средствами производства, обобществление производства на деле значительно отставало от темпов экспроприации капитала. Большую опасность представляла мелкобуржуазная, мелко-собственническая стихия, не подчинявшаяся государственному контролю и регулированию. В связи с этим Ленин в «Очередных задачах Советской власти» и других произведениях обосновал необходимость перенесения центра тяжести экономической и политической работы на организацию учета и контроля на национализированных предприятиях и во всем народном хозяйстве.

Величайшее значение работы «Очередные задачи Советской власти» и примыкающих к ней статей и документов состоит в том, что в них впервые были намечены конкретные пути и методы социалистического преобразования экономики в условиях диктатуры пролетариата. Ленинский план предусматривал проведение социалистического обобществления средств производства с применением различных путей и методов. Наряду с частичным выкупом основных средств производства (см. стр. 224) ленинский план мирного социалистического строительства предполагал широкое использование государственного капитализма для постепенного преобразования частной собственности средних и мелких капиталистов в общественную собственность.

Ленин учил, что постепенное и мирное преобразование

капиталистической экономики отнюдь не означает мирного вращивания капитализма в социализм: социалистическое обобществление средств производства в любой его форме – революционный переворот, направленный на ликвидацию эксплуатации человека человеком, на победу социализма.

Ленин рассматривал государственный капитализм в условиях переходного периода как своеобразную форму борьбы между социализмом и капитализмом, рабочим классом и буржуазией. Победивший пролетариат, указывал он, должен сочетать приемы решительной борьбы с капиталистами, срывающими советские мероприятия, с приемами компромисса или своеобразного выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на госкапитализм, способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве опытных организаторов крупнейших предприятий.

Ожесточенное сопротивление крупной буржуазии, развязавшей гражданскую войну, и начавшаяся интервенция иностранных империалистов ограничили возможность широкого использования мероприятий, направленных на мирный и постепенный переход от частной собственности на средства производства к общественной социалистической собственности. Подстрекаемая иностранными империалистами, российская буржуазия отказалась работать под контролем Советской власти на условиях государственного капитализма. Это вынудило Советскую власть применять немирные способы осуществления социалистических преобразований.

Идеи ленинского плана мирного социалистического строительства в условиях диктатуры пролетариата получили дальнейшее развитие в новой Программе Коммунистической партии Советского Союза. «Рабочий класс и его авангард – марксистско-ленинские партии, – говорится в ней, – стремятся осуществить социалистическую революцию **мирным способом**. Это соответствовало бы интересам рабочего класса и всего народа, общенациональным интересам страны». В условиях все большего роста сил социализма, укрепления рабочего движения и ослабления позиций капитализма в некоторых странах может сложиться ситуация, при которой для пролетариата будет выгодно выкупить у буржуазии основные средства производства, а буржуазии – согласиться на этот выкуп. Программа учитывает возможность и немирного перехода к социализму в том случае, если эксплуататорские классы прибегнут к насилию над народом. При этом в соответствии с ленинскими указаниями в ней подчеркивается, что степень ожесточенности классовой борьбы будет зависеть от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа.

В произведениях тома раскрывается коренное отличие социалистической революции от революции буржуазной. Капитализм вырастает в недрах феодального строя, поэтому перед буржуазной революцией стоит только одна задача – «смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества» (стр. 5). Социализм не может вырасти стихийно в нед-

рах капиталистического общества, и поэтому перед социалистической революцией – помимо преодоления и ликвидации капиталистических общественных отношений – встает неизмеримо более высокая задача: создание нового, социалистического общества. В социалистической революции, после подавления сопротивления эксплуататорских классов и упрочения нового государства, – главной задачей пролетариата и руководимого им крестьянства становится «положительная или созидательная работа» – построение новой экономики, подъем народного благосостояния и культуры.

Самым важным и главным для победы социализма и коммунизма Ленин считал всемерное повышение производительности труда. После завоевания рабочим классом государственной власти и успешного развертывания экспроприации буржуазии, писал он, «выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация» (стр. 187).

В ленинском плане социалистического строительства была поставлена и обоснована задача создания и всемерного развития крупной машинной индустрии как экономической основы социализма. В «Наброске плана научно-технических работ» впервые была выдвинута программная идея электрификации страны. Ленин поставил перед научно-техническими силами страны, в частности перед Российской Академи-

ей наук, задачу составления «плана реорганизации промышленности и экономического подъема России», обратив особое внимание на электрификацию народного хозяйства. Ленинские идеи о создании крупной машинной индустрии и электрификации страны, об опережающем развитии тяжелой промышленности, получившие развитие и конкретизацию в последующих работах Ленина, в разработанном под его руководством знаменитом плане ГОЭЛРО и других хозяйственных планах, являются основой генеральной линии Коммунистической партии, обеспечившей построение социализма в СССР и ведущей советский народ к победе коммунизма.

Ленин указывал на необходимость последовательного внедрения в народное хозяйство новейших достижений современной техники и передовой науки, требовал «превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, – превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» (стр. 382). Надо, говорил Ленин, «на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма» (стр. 263).

Ленин учил, что для строительства социализма победивший рабочий класс должен привлечь и использовать опыт буржуазных специалистов – инженеров, агрономов и т. д. Он высмеял рассуждения «левых коммунистов» о возможности

строить социализм без использования специалистов как психологию дикарей. Одну из важнейших задач социалистической революции Ленин видел в освобождении знаний от подчинения капиталу, в подготовке новой интеллигенции, новых научно-технических кадров из рабочих и крестьян.

В «Очередных задачах Советской власти» и других работах, включенных в том, огромное внимание уделяется вопросам социалистической организации труда, налаживанию новой трудовой дисциплины. Учиться работать по-новому, с применением научных принципов организации труда, строить трудовые отношения на новой дисциплине товарищества – эту задачу Ленин поставил перед советским народом во всем объеме уже весной 1918 года. «Эта задача гигантской трудности, – говорил Ленин на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства, – но зато и задача благодарная, потому что лишь тогда, когда мы решим ее практически, лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества» (стр. 385–386).

Ленин показал, что победа социалистической революции и переход средств производства в общественную собственность создали впервые в истории человечества условия труда, обеспечивающие неограниченные возможности развития и целесообразного применения творческих способностей народных масс, роста культурного уровня и квалификации каждого работника, развития социалистического соревнования. В социалистическом соревновании Ленин от-

крыл замечательную форму развития творческого почина и активности масс, могучее средство вовлечения трудящихся в хозяйственное и культурное строительство. Опровергая реакционные буржуазные теории, превозносящие конкуренцию и частную предприимчивость как якобы единственный и незаменимый двигатель экономического развития, Ленин показал, что творческая деятельность свободных от эксплуатации тружеников – несравненно более могучий источник прогресса экономики, науки и культуры.

Ленин предвидел, что массовое социалистическое соревнование будет играть все большую роль в повышении производительности труда, в подъеме народного хозяйства, основанного на общественной собственности. Ленинские идеи о социалистическом соревновании явились величайшим открытием, обогатившим теорию и практику строительства социализма и коммунизма. Социалистическое соревнование является испытанным методом коммунистического строительства; руководствуясь указаниями Ленина, наша партия добивается всемерного развития социалистического соревнования, коммунистических форм труда.

Отмечая огромную роль творческой деятельности и энтузиазма народных масс в экономическом строительстве, Ленин в то же время раскрыл исключительное значение личной материальной заинтересованности трудящихся, каждого работника в результатах своего труда, в улучшении работы как отдельных предприятий, так и в подъеме всего народного хо-

зяйства. Он показал, что личная материальная заинтересованность трудящихся в развитии производства и поощрение хорошо работающих являются основой организации труда и производства на социалистических началах, мощным фактором повышения производительности труда, роста и совершенствования общественного производства.

Большое значение Ленин придавал пропаганде и распространению передового опыта, образцовой организации производства лучших предприятий. Равнение на передовых в социалистическом обществе, указывал Ленин, должно стать законом; накопление, тщательная проверка и изучение передового опыта становятся общенародной задачей. В связи с этим Ленин призвал понести статистику в массы, «популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать, – чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения» (стр. 192).

Ленинский план социалистического строительства, разработанный весной 1918 года и изложенный в произведениях настоящего тома, содержит важные положения о путях преобразования сельского хозяйства на социалистических началах. В марте 1918 года Ленин писал о необходимости «постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию» (стр. 71). Он определил единственно правильную политику, предусмат-

ривающую постепенное добровольное объединение мелких товаропроизводителей в деревне в крупные общественные хозяйства через кооперацию. После победы социалистической революции, в условиях диктатуры пролетариата, характер кооперации коренным образом изменяется. «Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка», – писал Ленин, разоблачая несостоятельность и реакционность взглядов на кооперацию, как на средство перехода к социализму без свержения капитализма. Но «кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм» (стр. 161). Ленинские положения о социалистической природе кооперации при диктатуре пролетариата и общественной собственности на основные средства производства, развитые в последующие годы, легли в основу имеющего всемирно-историческое значение ленинского кооперативного плана, в основу дальнейшей политики Коммунистической партии и Советского государства по переводу мелкого крестьянского хозяйства на путь крупного коллективного социалистического производства.

Практическое осуществление грандиозной по масштабам и исключительно сложной задачи коренного преобразования экономической основы общества потребовало теоретической разработки новых вопросов, связанных с управлением общественным производством, планированием народного хозяйства. Социализм, говорил Ленин, означает плано-

мерную организацию общественного производства и распределения продуктов в общегосударственном масштабе.

Ленин уделял огромное внимание организации новой системы хозяйственного управления и планирования. В основу этой системы был положен ленинский принцип демократического централизма. Ленин указывал, что демократический централизм означает сочетание централизованного государственного руководства с широчайшей творческой активностью масс, обеспечивает «возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» (стр. 152).

Ленин решительно выступал против бюрократических извращений централизма и против местнических, областнических, а также анархо-синдикалистских тенденций. Он боролся против дробления национализированного имущества, являющегося общегосударственным достоянием, на групповые владения отдельных коллективов трудящихся, ибо это противоречит характеру социалистической собственности. «Величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма, – писал он, – является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти» (стр. 481).

Большое значение Ленин придавал укреплению и разви-

тию советов народного хозяйства как органов хозяйственно-управления, наиболее полно соответствующих принципу демократического централизма. Ленин говорил, что с развитием социалистической революции, с дальнейшим упрочением социалистического строя роль советов народного хозяйства будет все более и более возрастать. Аппарату типа совнархозов, подчеркивал он, суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества.

Ленинские принципы руководства народным хозяйством являются основополагающими в строительстве социализма и коммунизма. Бессильны и несостоятельны все попытки противников марксизма-ленинизма извратить эти принципы и очернить практику государственного руководства народным хозяйством в социалистических странах. Вопреки их утверждениям, будто социалистическое плановое хозяйство является «принудительной системой», где народ якобы устранен от руководства общественным производством, в действительности только экономическая система социализма обеспечивает привлечение широких масс трудящихся к управлению предприятиями, всем народным хозяйством. Опыт социалистического развития СССР и других социалистических стран полностью подтверждает правильность принципов демократического централизма.

Большое место в произведениях В. И. Ленина, входящих в настоящий том (письмо к питерским рабочим «О голоде»,

«Доклад о борьбе с голодом» на Объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и профсоюзов, речь о продовольственных отрядах на рабочих собраниях Москвы и другие), занимают вопросы дальнейшего развития социалистической революции в деревне, организации деревенской бедноты под руководством рабочего класса для борьбы против капитала и деревенской буржуазии – кулачества. Весной и летом 1918 года резко обострилось продовольственное положение, на страну надвинулся голод. Одной из главных его причин была ожесточенная борьба кулаков против Советской власти, их сопротивление социалистическим преобразованиям. Судьба социалистической революции, развертывание социалистического строительства зависели от решения хлебного вопроса. Это ярко раскрывается в ленинском лозунге: Борьба за хлеб – борьба за социализм!

Материалы настоящего тома показывают многогранную деятельность Ленина, Коммунистической партии по организации похода рабочих в деревню для объединения и организации деревенской бедноты, для борьбы с кулачеством, по созданию комитетов бедноты, по укреплению союза пролетариата с беднейшим крестьянством, по привлечению на сторону Советской власти среднего крестьянства.

В ряде выступлений («Речь на митинге в Сокольническом клубе», «Речь на митинге в Симоновском подрайоне», «Беседа с сотрудником «Известий ВЦИК» по поводу мятежа левых эсеров», «Речь и правительственное заявление на за-

седании ВЦИК», «Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов» и др.) отражается деятельность Ленина, партии и правительства по укреплению обороны Советской страны, подготовке к отпору иностранной интервенции, обеспечению победы Советской власти в развязываемой буржуазией гражданской войне.

Работы, входящие в настоящий том, имеют огромное теоретическое и практическое значение. Они посвящены коренным проблемам социалистического строительства в переходный от капитализма к социализму период, внешней и внутренней политики первого в мире государства рабочих и крестьян. В них обобщается опыт первых шагов к социализму, которые совершал советский народ, прокладывая неизведанный дотоле путь к новому обществу. Ленин указывал, что этот опыт социалистического строительства «не забудется... Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание» (стр. 383).

* * *

В состав 36 тома включены 29 документов, ранее не входивших в Сочинения Ленина. Среди них впервые публикуемые главы (часть IV, а также V, VI, VII, VIII, IX и начало X) первоначального варианта статьи «Очередные задачи Советской власти», в которых дается глубокий теоретиче-

ский анализ развития Октябрьской революции, поставлены коренные задачи социалистического строительства. В том входят также речь на митинге в Пресненском районе Москвы, посвященная первой Советской Конституции; выступления по вопросу о национализации крупной промышленности на объединенном заседании представителей ВЦСПС, ЦК союза металлистов и ВСНХ и о трудовой дисциплине на заседании президиума ВСНХ; интервью корреспондентам газет «Daily News» и «Folkets Dagblad Politiken».

В томе печатаются замечания на проект положения об управлении национализированными предприятиями; набросок соглашения с ВСНХ и Комиссариатом торговли и промышленности об условиях товарообмена между городом и деревней; приветствие президиуму первого съезда Советов Донской республики; предисловие к брошюре «Главная задача наших дней», а также две незаконченные работы: «О мерах борьбы с голодом» и «О демократизме и социалистическом характере Советской власти». К периоду разработки проекта Конституции РСФСР относится набросок 20 пункта ее второго раздела.

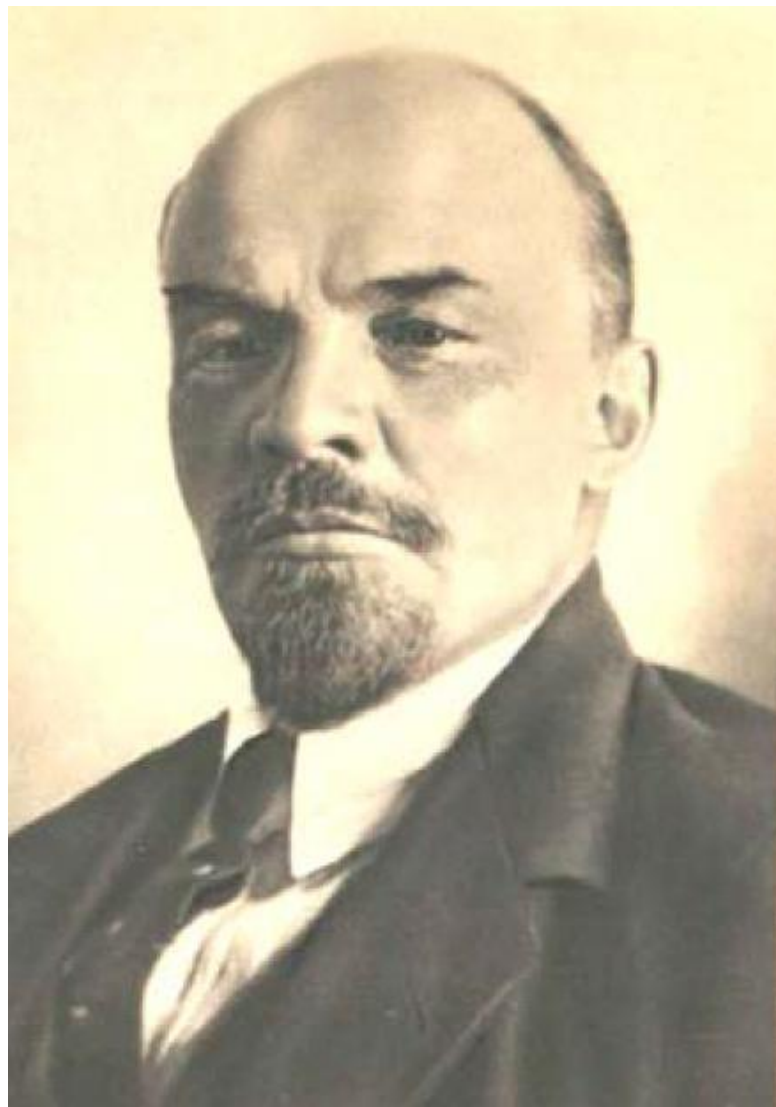
Одиннадцать из впервые включенных в Сочинения документов представляют собой проекты постановлений и декретов Советского правительства, а также дополнения к ним. Среди них проекты постановлений Совнаркома о топливе, оздоровлении железнодорожного транспорта и положении водного транспорта; дополнение к проекту декрета о реги-

страции акций, облигаций и прочих процентных бумаг; проект постановления СНК о постановке библиотечного дела.

Важнейшей проблеме того времени – восстановлению сельского хозяйства и борьбе с голодом посвящены постановления правительства, проекты которых (и дополнения к ним) написаны Лениным: о снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами, об отделе по организации посевной площади, о мобилизации рабочих на борьбу с голодом, о самостоятельных заготовках продовольствия.

В разделе «Подготовительные материалы» публикуются планы речи на заседании коммунистической фракции IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов и доклада о ратификации Брестского мирного договора на съезде, а также впервые включенные в Сочинения планы статьи «Очередные задачи Советской власти» и доклада о борьбе с голодом на Объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и профсоюзов 4 июня 1918 года, «Заметки об электрификации промышленности Петрограда и Москвы».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

В. И. Ленин (1918)

1918 г.

**Седьмой экстренный
СЪЕЗД РКП(б)^[1]
6–8 марта 1918 г.**

Впервые полностью (с незначительными сокращениями и без резолюции по поводу отказа «левых коммунистов» войти в ЦК) напечатано в 1923 г. в книге «Седьмой съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет. 6–8 марта 1918 года»

Полностью напечатано в 1928 г. в книге «Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). – Седьмой съезд. Март 1918 года»

Печатается: политический отчет Центрального Комитета, заключительное слово по отчету, доклад о пересмотре программы и изменении названия партии, выступления и предложения – по тексту книги изд. 1928 г., сверенному со стенограммой, секретарскими записями и текстом книги изд. 1923 г.; дополнение к резолюции о войне и мире и резолюция по поводу отказа «левых коммунистов» войти в ЦК – по рукописям

1. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта

Политический отчет мог бы состоять из перечисления мероприятий ЦК, но для настоящего момента насыщен не такой отчет, а *очерк нашей революции в целом*; только он и может дать единственно марксистское обоснование всем нашим решениям. Мы должны рассмотреть весь предыдущий ход развития революции и выяснить, почему дальнейшее ее развитие изменилось. В нашей революции мы имеем такие переломы, которые будут иметь громадное значение для революции международной, а именно – *Октябрьскую революцию*.

Первые успехи Февральской революции были обусловлены тем, что за пролетариатом шла не только деревенская масса, но и буржуазия. Отсюда легкость победы над царизмом, чего не удалось нам достигнуть в 1905 году. Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в Февральскую революцию повторило опыт 1905 года – нам пришлось провозгласить принцип Советской власти. Массы учились задачам революции из собственного опыта борьбы. События 20–21 апреля – своеобразное сочетание демонстрации с чем-то вроде вооруженного восстания. Этого было достаточно для падения буржуазного правительства. Начинается длительная соглашательская политика, вытекающая из

самого существа мелкобуржуазного правительства, ставшего у власти. Июльские события не могли еще осуществить диктатуру пролетариата – массы еще не были подготовлены. Поэтому ни одна из ответственных организаций и не призывала их к этому. Но в смысле разведки в стане врагов июльские события имели огромное значение. Корниловщина и последующие события, как практические уроки, сделали возможной октябрьскую победу. Ошибка желавших разделить и в октябре власть^[2] – в том, что они не связали октябрьской победы с июльскими днями, наступлением, корниловщиной и т. д., и т. д., что подвело многомиллионные массы к сознанию того, что Советская власть стала неизбежна. Далее следует наше триумфальное шествие по всей России, сопутствуемое стремлением всех к миру. Мы знаем, что односторонним отказом от войны мы не получим мира; это указывалось нами еще на Апрельской конференции¹. Солдаты так ясно осознали в эпоху с апреля по октябрь, что соглашательская политика все затягивает войну, ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами. Вот на этой почве необходимо было во что бы то ни стало перейти поскорее к активной политике мира, необходимо было взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев, доходя даже до ареста членов земельных комитетов.

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 394–395, 405. *Ред.*

И вот эта политика, этот лозунг «власть Советам», насаждаемые нами в сознание широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратили последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны, и к чему тогда в значительной части социалистических кругов относились с недоверием или даже с насмешкой, именно превращение империалистской войны в войну гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом для одной из самых больших и самых отсталых стран, участвовавших в войне. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении. Война с ними постепенно, с переходом на сторону большевиков широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, превратилась в победное триумфальное шествие революции. Это мы видели в Питере, на Гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались, это мы видели потом в Москве, в Оренбурге,

на Украине. По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача – смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к за-

дачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи – организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы, и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма политической власти была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно признанную, утвердившуюся в Российском государстве, – в Российскую Советскую республику. Она родилась сразу, родилась так легко потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, – вот кто создал эту форму пролетарской власти. Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. Республика Советов родилась сразу. Но оставались еще две гигантской трудности задачи, решение

которых никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция, — у нас не было и не могло быть сомнения, что в дальнейшем социалистическая революция станет перед гигантской трудности задачами.

Во-первых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения «на ура», подобно тому как нам удавалось решить задачи гражданской войны. Этого решения не допускала самая суть дела. Если мы так легко побеждали наших калединцев и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания, то такой ход событий предрешен был всем объ-

активным предыдущим развитием, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо «Совет существует как организация профессиональная» написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», – то совсем не так обстояло дело в отношении задач организационных. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы это разложение преодолеть и победить те увеличивающие его элементы, которые смотрели на революцию как на способ отделаться от старых пут, сорвав с нее, что можно. Появление в большом числе этих элементов было неизбежно в мелкокрестьянской стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба во сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая, – борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоит тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не сможем ограничиться триумфальным шествием с развернутыми знаменами, каким шли против калединцев. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом как политик, как социалист, как деятель социа-

листической революции.

И то же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся первоначальным триумфальным шествием революции молодых товарищей, когда перед последней конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи, – международный вопрос. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, – если мы получили так легко все это, то только потому, что счастливо сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской республикой и по своему объективному положению и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, – не мог в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой. Эта задача стала перед нами во всей своей невероятной трудности. По-

вторую, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно: почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после Октября мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу. А между тем это было так только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. А отдельным империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, дошли до невероятных пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре: наша революция попала как раз – это парадоксально, но это справедливо – в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистских стран в виде уничтожения миллионов людей, когда война измучила народы неслыханными бедствиями, когда на четвертом году войны воюющие страны подошли к тупику, к распутию, когда встал объективно вопрос: смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы? Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент,

когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно ни броситься одна на другую, ни соединиться против нас, – только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии партийные работники интеллигенты-сверхчеловеки, которые дали себя увлечь этим триумфальным шествием, которые сказали: с международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет. Вот в этом – расхождение между объективным положением русской революции, которая только воспользовалась временной заминкой международного империализма, так как временно застопорила машина, которая должна была двигаться против нас, как железнодорожный поезд движется против тачки и дробит ее, – а машина застопорила потому, что столкнулись две группы хищников. Там и тут росло революционное движение, но во всех без исключения империалистских странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмери-

мо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию. Это объективное положение создало то, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом в истории. От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами – как это ни приятно было бы – конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к партии большевиков, которые перед всей буржуазией не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние армии создало гигантский кризис. Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная ею до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который еще

пока оставался и остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять было нельзя. Лежал смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций, тогда как последнее могло быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки нашей партии – интеллигенция и часть рабочих организаций – попытались отделаться прежде всего фразами, отговорками: так быть не должно. Этот мир был слишком невероятной перспективой, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с развернутыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы могли уступить, принять унижительные условия. Никогда. Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать»^[3]. Такова была первая отговорка, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение; приходится при неслыханно трудной организационной работе пройти ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов, – а не в начале начал, – какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения

нам ни были суждены, международная социалистическая революция придет, – ибо она идет; дозреет, – ибо она зреет, и созреет. Наше спасение от всех этих трудностей – повторяю – во всевропейской революции. Исходя из этой истины, совершенно абстрактной истины, и руководясь ею, мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, – то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка – непосредственный шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это «кажинный божий раз на этом месте» мы слышали и набили оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы отбросили потому, что как несомненно то, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяком является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда созреет мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, – настолько совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодняшнюю трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение, – я могу де-

лать какие угодно глупости». «Либкнехт выручит потому, что он все равно победит». Он даст такую великолепную организацию, наметит все заранее так, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение в Западной Европе, – и благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев, тогда как на его победу в Западной Европе требовались десятки лет. Итак, совершенно никчемная авантюра – перенесение старого метода решения вопроса борьбы триумфальным шествием на новый исторический период, который наступил, который перед нами поставил не гнилушек Керенского и Корнилова, а поставил международного хищника – империализм Германии, где революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было утверждение, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры^[4] не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Объективное соотношение сил соответствовало тому, что получения передышки будет мало. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что она может разразиться сейчас, и нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Когда им говорят, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демоби-

лизоваться, – мы вынуждены были, хотя нисколько не забыли о том, что около нашего смиренного домашнего зверя лежит тигр, – они не хотят понять. Если мы вынуждены были демобилизовать армию, то мы отнюдь не забыли, что путем одностороннего приказа втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не были против этой демобилизации? Что же мы – совершенно с ума сошли? Нисколько. Офицеры, не большевики, говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт, неприглядную горькую действительность, а не прятаться или надвигать себе на глаза шапку и отделяться гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, – это как можно скорее демобилизовать ее. Это – большая часть организма, которая испытывала неслыханные мучения, истерзанная лишениями войны, в которую она вошла технически неподготовленной и вышла в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, вынесших такие неслыханные страдания. В сотнях резолюций с полной откровенностью, даже в течение первого периода русской революции, солдаты говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать окончание войны, можно бы-

ло проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность прокладывала себе дорогу. Это – большая часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, – демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию – это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни войны, ни подписания мира». Но если немец наступит? «Нет, он не сможет наступать». А вы имеете право ставить на карту не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том: не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Но мы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, – мы все знаем, что порвали с империалистами не на словах, а на деле: разрушили тайные договоры^[5], победили буржуазию у себя и предложи-

ли открытый честный мир, так что все народы могли увидеть на деле все наши намерения. Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской республики, могли идти на эту авантюру, которая принесла свои плоды? А это факт, потому что тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней «левой» оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. никоим образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в данный момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем, является то, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссий, в достаточном количестве расколов, – вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ – проверка всего фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать. Из вашей тактики вытекало, что можно объявить состояние войны прекращенным. Вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, – когда мы в любой город приходим, провозглашаем Советскую власть, и девять деся-

тых рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. А кто с кем должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютна истина, что без немецкой революции мы погибли, – может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более далеких местах, в которые нам, быть может, предстоит перебраться и до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петрограда до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, – мы погибнем. Тем не менее, это ни на каплю не колеблет нашей уверенности в том, что мы самое трудное положение должны уметь вынести без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России – стране Николая и Распутина, когда громадной части населения было совершенно все равно, какие там народы на окраинах живут, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко, это значило – перышко поднять.

А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку, – неправильно, нелепо. Тут

мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Это факт. Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно, — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, но это нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра, и когда начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она нас очень больно побила, — а за битого двух небитых дают. Поэтому я считаю, что после того, как история нас на этой надежде, — что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура», — очень больно побила, этот урок войдет благодаря нашим советским организациям в сознание масс всей Советской России очень быстро. Они все шевелятся, собираются, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас происходят не старые дореволюционные споры, которые оставались внутри узкопартийных кругов, а все решения выносятся на обсуждение масс, требующих проверки их опытом, делом, никогда не дающих себя увлечь легкими речами, никогда не дающих сбить себя с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от трудностей, стоящих перед нами, можно отгово-

ряться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика: он, конечно, может отговориться от вопросов о том, что армии нет, от того, что революция в Германии не наступает. Массы миллионные, — а политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика, — миллионы знают, что такое армия, видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, — если брать не отдельных лиц, а настоящую массу, — что воевать мы не можем, что всякий человек на фронте все, что мыслимо было, вынес. Масса поняла истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший, унижительный мирный договор. Это неизбежно, пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее по домам. До тех пор больной не выздоровеет. А немецкого хищника мы «на ура» не возьмем, не скинем, как скинули Керенского, Корнилова. Вот урок, который массы вынесли без оговорок, которые пытались преподнести им некоторые, желающие отделаться от горькой действительности. Сначала сплошное триумфальное шествие в октябре, ноябре, — потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником, русская революция готова принять условия грабительского договора. Да, повороты истории очень тяжелы, — у нас все такие повороты тяжелы. Когда в 1907 году мы подписали неслыханно позорный внутренний договор со Столыпиным, когда мы вынуждены бы-

ли пройти через хлев столыпинской Думы, принимали на себя обязательства, подписывая монархические бумажки^[6], мы переживали то же самое в маленьком масштабе, по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежащие к лучшему авангарду революции, говорили (у них тоже не было тени сомнения в своей правоте): «Мы – гордые революционеры, мы верим в русскую революцию, мы в легальные столыпинские учреждения никогда не пойдём». Пойдете. Жизнь масс, история – сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, так вас история заставит. Это были очень левые, от которых при первом повороте истории ничего, как от фракции, кроме дыму, не осталось. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти из этого положения снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась потому, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Тут надо уметь отступить. Невероятно горькой, печальной действительности фразой от себя не закрыть; надо сказать: дай бог отступить в полу порядке. Мы в порядке отступить не можем, – дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы большая часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров: он преодолет болезнь. Но нельзя требовать, чтобы

он преодолел ее сразу, моментально, нельзя остановить бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии, – это было принято за обидное предложение: «нас хотят сослать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны». Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку: это было предложение посмотреть на то, что армия начала неслыханно бежать. И раньше мы это знали, и раньше нельзя было закрывать глаза на то, что там разложение дошло до неслыханных фактов, до продажи наших орудий немцам за гроши. Это мы знали, как знаем и то, что армию нельзя удержать, и отговорка, что немец не наступит, была величайшей авантюрой. Если европейская революция опоздала родиться, нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить сейчас нельзя. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно.

Дело происходит так, что гражданская война началась как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что подымаются пролетар-

ские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, – я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться. Так точно, если народу говорить, что гражданская война в Германии придет, и вместе с тем ручаться, что вместо столкновения с империализмом будет полевая международная революция^[7], то народ скажет, что вы обманываете. Этим вы только в своем понимании, в своих желаниях проходите через те трудности, которые история преподнесла. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить. А вы это измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Нет, вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, – так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра, – тогда что? Тогда масса скажет вам: вы поступили как авантюристы, – вы ставили карту на этот счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными оставаться в том положении, которое оказалось вместо международной революции, которая придет неизбежно, но которая сейчас еще не созрела.

Наступил период тяжчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая демобилизовала свою армию, должна была демобилизоваться. То, что я предсказывал, наступило целиком: вместо Брестского мира мы получили мир гораздо унижительней, по вине тех, кто не брал его. Мы знали, что по вине армии заключаем мир с империализмом. Мы сидели за столом рядом с Гофманом, а не с Либкнехтом, – и этим мы помогли немецкой революции. А теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали свои миллионные богатства, – пушки, снаряды, – а это должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, – это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы оказались добычей неприятеля в несколько дней.

Получивши этот урок, мы наш раскол, кризис наш изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник: всемирная революция. Когда нам говорят о ратификации этого Тильзитского мира^[81], неслыханного мира, более унижительного, грабительского, чем Брестский, я отвечаю: безусловно, – да. Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения тактики октября – ноября внутри одной страны, этого триумфального периода революции, перенесения с помощью нашей фантазии на ход событий мировой революции – эта попытка обречена на неудачу. Когда го-

ворят, что передышка – это фантазия, когда газета, называемая «Коммунист»^[9], – должно быть, от коммуны, – когда эта газета наполняет столбец за столбцом, пытаясь опровергать теорию передышки, тогда я говорю: мне много пришлось пережить фракционных столкновений, расколов, так что я имею большую практику, но должен сказать, что вижу ясно, что старым способом – фракционных партийных расколов – эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро. На этот счет она действует великолепно. История гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере начнет разочаровываться в его идеях, потому что жизнь показывает, что передышка – это факт. Вот сейчас мы подписываем мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, – потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли, потому что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армию не могут, они ее не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, – тяжелый удар, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов под ударами империализма. Между тем этой передышкой мы воспользу-

емся, чтобы убедить народ объединяться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте дисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться, создавать армию, способную не бежать, а идти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась и нельзя ручаться, что она придет завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и путиловцы, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины, когда мы переживали то, что брали назад не сданное, причем это состояло в том, что телеграфист приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из Комиссариата путей сообщения: «Занята следующая станция, мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет. Телеграфист занимает свое место». Вот, что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны^[10]. Ее описали нам матросы, пу-

тиловцы, которых надо взять на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унижительная правда, но она во сто раз полезнее, она понимается русским народом.

Я предоставляю увлекаться международной полевой революцией потому, что она наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие, хоть один час в течение суток, учились сражаться. Это немного потруднее, чем нарисовать прекрасную сказку. Это есть сейчас, этим вы помогаете немецкой революции, международной революции. Сколько нам дали дней передышки, – мы не знаем, но она дана. Надо скорее демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции^[11].

Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже тридцать – сорок раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительный, долгий период освобождения, которое только что создало, подняло Советскую власть на три ступени своего развития, – только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотрительная борьба. Позорный мирный договор поднимает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, они апеллируют к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчишки были перед глазами. Что они говорят? «Никогда сознательный

революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Их газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир – это позор, война – это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я – с точки зрения крестьянина.

Если я беру мир, когда армия бежит, не может не бежать, не теряя тысячи людей, так я возьму его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдывает всякий серьезный крестьянин и рабочий потому, что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История знает, – на это я ссылался не раз, – история знает освобождение немцев от Наполеона после Тильзитского мира; я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что там было: обязательства давать наши войска на помощь завоевателю для завоевания других народов, – а до этого история доходила, и до этого дело дойдет и у нас, если мы будем только надеяться на международную полевую революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до этой формы военного рабства. И пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман – Наполеон – ловил немцев на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро.

Последняя война дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу – организовываться, дисциплинировать, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы – погибший народ и вечно будем лежать в рабстве.

Так, и только так, шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не унижительному. Псковской соотношение сил соответствовало миру позорному, более унижительному, а в Питере и в Москве, на следующем этапе, нам предпишут мир в четыре раза унижительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья^[12], мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: пусть русский народ поймет, что он должен дисциплинировать, организовываться, тогда он сумеет вынести все тильзитские миры. Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, возвратиться к войне, – и это, может быть, предстоит на днях. Каждый человек должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой, если правда, что она не была взята, как говорят во всех га-

зетах; не в Нарве, а под Нарвой; не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петроград. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнений. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому что я – оборонец, потому что я стою за подготовку армии – пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную большую армию.

Мы не знаем, какова будет передышка, – будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, она продлится всего несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать потому, что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на нескольких фронтах. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что надо разбить Советскую республику, а с другой стороны – тем, что у него на целом

ряде фронтов война, а с третьей стороны – тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает, он не может, как утверждают, сию минуту взять Питер, взять Москву. Но он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда факт болезни армии налицо, когда мы пользуемся каждым моментом, во что бы то ни стало, хотя бы для дня передышки, мы говорим, что всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, пытаться ее подышать для новой войны, – всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо последнее – в интересах пролетарской революции и обновления России, освобождения ее от большого органа. Подписывая этот мир, как понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции; всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей военной помощи: мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными.

Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву, а потом перейдем в наступление: на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, для которого, может быть, понадобится много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир потому, что я не

могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак; он видит, он поймет, что надо воздержаться, что этот лозунг нужно провести, – в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда Советов.

Надо уметь работать на новом пути. Это неизмеримо тяжелее, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советскую власть, если мы глупейшей авантюрой сами не сорвем ее. Придет время, когда народ скажет: я не позволю больше себя мучить. Но это может случиться, если мы не пойдем на эту авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унижительном договоре, который мы подписали на днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Немецкий народ по своей монархической организации был связан в 1807 году, когда подписал свой Тильзитский мир, после нескольких унижительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг должен быть один – учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война – вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, что-

бы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии. Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений, она налицо, с ней надо уметь считаться, нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев: этого нечего прикрашивать; это действительно Тильзитский мир. Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим. (*Аплодисменты.*)

Краткий газетный отчет напечатан 9 марта (24 февраля) 1918 г. в «Правде» № 45

2. Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета 8 марта

Товарищи, позвольте мне начать с замечаний сравнительно мелких, с конца. Тов. Бухарин в конце своей речи дошел до того, что сравнил нас с Петлюрой. Если он считает, что это так, то как же может он оставаться в одной партии с нами? Разве это не фраза? Конечно, если бы это действительно было так, мы не сидели бы в одной партии. То, что мы вместе, доказывает, что на девять десятых с Бухариным согласны. Правда, он прибавил немного революционных фраз о том, что мы хотели предать Украину. Я уверен, что о таких

заведомых пустяках говорить не стоит. Я вернусь к товарищу Рязанову и здесь я хочу отметить, что подобно тому, как исключение, случающееся раз в десять лет, лишь подтверждает правило, так и ему случилось сказать нечаянно серьезную фразу. (*Аплодисменты.*) Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. Это почти философское рассуждение. На этот раз вышло так, что у тов. Рязанова получилась совершенно серьезная, правда, фраза, в которой вся суть: я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом. Все остальное – только разговоры: необходимость революционной войны, подъем крестьянства и пр. Когда тов. Бухарин изображает дело так, что насчет возможности войны двух мнений быть не может, и говорит: «спросите любого военного» (я записал с его слов), раз он так ставит вопрос, что спрашивает любого военного, то я ему отвечаю: таким любым военным оказался французский офицер, с которым мне пришлось беседовать^[13]. Этот французский офицер, смотря на меня, конечно, злыми глазами, – ведь я продал немцам Россию, – говорил: «Я роялист, я сторонник монархии и во Франции – сторонник поражения Германии, не подумайте, что я сторонник Советской власти, – как же подумаешь, если он монархист, – но я был за то, чтобы вы подписали договор в Бресте, потому что это необходимо». Вот вам «спросите любого военного». Любой военный должен был сказать то, что я говорил: надо было подписать договор в Бресте. Ес-

ли теперь из речи Бухарина вытекает, что наши разногласия очень уменьшились, то это потому, что главный пункт разногласий его сторонники спрятали.

Когда теперь Бухарин громит нас за то, что мы деморализовали массы, он абсолютно прав, только он себя громит, а не нас. Кто провел эту кашу в ЦК? – Вы, тов. Бухарин. (Смех.) Как вы не кричите «нет», а правда возьмет верх: мы в своей товарищеской семье, мы на своем собственном съезде, скрывать нечего, и придется говорить правду. А правда состоит в том, что в ЦК было три течения. 17 февраля Ломов и Бухарин не голосовали. Я просил голосование воспроизвести, размножить, всякий член партии зайдет в секретариат, если пожелает, и посмотрит голосование – историческое голосование 21-го января, которое показывает, что колебались-то они, а мы нисколько не колебались, мы говорили: «возьмем мир в Бресте, – лучшего не получите, – чтобы готовить революционную войну». Сейчас мы уже выиграли пять дней, чтобы эвакуировать Питер. Сейчас выпущено воззвание Крыленко и Подвойского^[14], которые не были в числе левых и которых Бухарин третировал, говоря, что «вытаскивают» Крыленко, как будто мы выдумали то, что Крыленко докладывал. Мы с этим абсолютно согласны; ведь вот как обстоит дело, ведь это военные доказывали то, что я говорил, а вы отговариваетесь тем, что немец не наступит. Разве можно это положение сравнить с октябрём, когда дело было не в технике? Нет, если вы хотите считаться с фактами, так счи-

тайтесь с тем, что разногласия касались того, что нельзя начать войну, когда она заведомо невыгодна. Когда тов. Бухарин начал заключительное слово громовым вопросом: «возможна ли война в ближайшем будущем?», он меня очень удивил. Я отвечаю без колебаний: возможна, – а сейчас надо принять мир. Тут никакого противоречия нет. После этих коротких замечаний я перейду к детальным ответам предыдущим ораторам. По отношению к Радеку я должен сделать исключение. Но было другое выступление – тов. Урицкого. Что там было, кроме Каноссы^[15], «предательства», «отступили», «приспособились»? Ну, что это такое? Разве это не из газеты левоэсеровской ваша критика? Тов. Бубнов читал нам заявление, поданное в ЦК цекистами, считающими себя очень левыми, которые провели полностью пример демонстрации перед всем миром: «поведение ЦК наносит удар международному пролетариату». Разве это не фраза? «Демонстрировать перед всем миром бессилие!» Чем мы демонстрируем? Тем, что предложили мир? Тем, что армия побежала? Разве мы не доказали, что начать войну с Германией сейчас, не приняв Брестского мира, значит показать миру, что наша армия больна, не желает идти на бой? Совершенно пустое, когда Бубнов утверждает, что это колебание целиком было создано нами, – это было потому, что наша армия больна. Когда бы то ни было, передышку надо было дать. Если бы следовали правильной стратегии, мы имели бы месяц передышки, а так как вы последовали стратегии неправиль-

ной, мы имеем только пять дней передышки, – и это хорошо. История войны показывает, что для того чтобы остановить армию, бегущую в панике, достаточно иногда бывает даже дней. Кто не берет, не подписывает сейчас дьявольский мир, тот – человек фразы, а не стратегии. Вот в чем горе. Когда мне цекисты пишут: «демонстрация бессилия», «предательство» – это вреднейшая, пустейшая ребячья фраза. Демонстрировали мы бессилие тем, что попробовали воевать, когда нельзя было продемонстрировать, когда наступление на нас было неизбежно. Что касается псковских крестьян, то мы привезем их на съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевший паническим бегством солдат начнет выздоравливать и скажет: «Да, теперь я понял, что это не та война, которую большевики обещали прекратить, – это новая война, которую немцы ведут против Советской власти». Тогда наступит оздоровление. Но вы ставите вопрос, который решить нельзя. Никто не знает срока передышки.

Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из семи дней он пять украл^[16]. Тактика Троцкого, поскольку она шла на заты-

гивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отмела это, об этом не стоит вспоминать, но смешно, что Бухарин говорит: «жизнь покажет, что мы были правы». Я был прав, потому что я писал об этом еще в 1915 году: «Надо готовиться вести войну, она неизбежна, она идет, она придет»². Но надо было мир взять, а не хорохориться зря. И тем более надо было мир взять, что война придет, а сейчас мы, по меньшей мере, облегчаем эвакуацию Питера, мы ее облегчили. Это факт. Когда тов. Троцкий выдвигает новые требования: «обещайте, что не подпишете мир с Винниченко», я говорю, что ни в коем случае такого обязательства на себя не возьму^[17]. Если бы съезд взял обязательство, ни я, ни один из моих единомышленников, никто ответственности за это на себя не возьмет. Это значило бы вместо ясной линии маневрирования, – отступая, когда можно, иногда наступая, – вместо этого связать себя снова формальным решением. Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылался на прусскую историю. Некоторые, определенно, как дети, думают: подписал договор, зна-

² См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 50–51. *Ред.*

чит проданся сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил. В истории бывали случаи, когда войны следовали одна за другой, все это мы забыли, мы видим, старая война превращается в...³. Если вам угодно, связывайте себя формальными соображениями навсегда и давайте тогда ответственные посты левым эсерам^[18]. Мы на себя ответственности за это не возьмем. Тут нет ни тени желанья раскола. Я убежден, что жизнь вас научит. 12 марта – не за горами – вы получите большой материал^[19].

Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная точка зрения⁴. Чтобы показать конкретно, я возьму пример: два человека идут, на них нападают десять человек, один борется, другой бежит – это предательство; но если две армии по сто тысяч и против них пять армий; одну армию окружили двести тысяч, другая должна идти на помощь, но знает, что триста тысяч расположены так, что там ловушка: можно ли идти на помощь? Нет, нельзя. Это не предательство, не трусость: простое увеличение числа изменило все понятия, каждый военный это знает, – тут не пер-

³ В стенограмме несколько слов отсутствует. *Ред.*

⁴ В секретарской записи текст, начинающийся со слов «... есть средство собирания сил...» записан так: «...есть для собирания сил. История создала сотни всяких договоров. Тогда отдавайте посты Троцкому и др...». *Ред.*

сональное понятие: поступая так, я сберегаю свою армию, пусть ту возьмут в плен, я свою обновлю, у меня есть союзники, я выжду, союзники придут. Только так можно рассуждать; но когда к соображениям военным припутываются другие, тут ничего, кроме фразы, нет. Так политику вести нельзя.

Все, что может быть сделано, мы сделали. Тем, что мы подписываем договор, мы сберегли Питер, хотя бы на несколько дней. (Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать.) В договоре приказано вывести из Финляндии наши войска, войска заведомо негодные, но нам не запрещено ввозить оружие в Финляндию. Если бы Питер пал несколько дней назад, то паника охватила бы Питер, и мы ничего бы не вывезли, а за эти пять дней мы помогли нашим финским товарищам, — я не скажу, сколько, они это сами знают.

Слова о том, что мы предали Финляндию, являются самой ребяческой фразой. Мы именно тем и помогли, что вовремя отступили перед немцами. Не погибнет никогда Россия, если провалится Питер, тут тысячу раз прав тов. Бухарин, а если маневрировать по-бухарински, тогда можно хорошую революцию загубить. (*Смех.*)

Мы ни Финляндии, ни Украины не предали. В этом нас не упрекнет ни один сознательный рабочий. Мы помогаем, чем можем. Мы из наших войск ни одного хорошего человека не увели и не уведем. Если вы говорите, что Гофман пой-

мает, накроет, – конечно, он может, в этом я не сомневаюсь, но во сколько дней он это сделает, – он не знает и никто не знает. Кроме того, соображения ваши, что поймает, накроет, есть соображения политического соотношения сил, о котором буду говорить дальше.

Выяснив, почему я абсолютно не могу принять предложение Троцкого – так вести политику нельзя, – я должен сказать, что примером того, насколько товарищи на нашем съезде ушли от фразы, которая фактически осталась у Урицкого, показал Радек. Я его никоим образом не могу обвинить за это выступление во фразе. Он сказал: «Ни тени предательства, ни позора нет, потому что ясно, что вы отступили перед военной подавляющей силой». Это оценка, которая всю позицию Троцкого разбивает. Когда Радек сказал: «Стиснув зубы, надо готовить силы», это правда, – тут я целиком подписываюсь: не хорохорюсь, а стиснув зубы, готовиться.

Стиснув зубы, не хорохорюсь, а готовь силы. Революционная война придет, в этом у нас разногласий нет; разногласия относительно Тильзитского мира – подписывать ли? Хуже всего – это больная армия, да, и потому в ЦК должна быть одна твердая линия, а не разногласия или средняя линия, которую поддержал и тов. Бухарин. Не розовые краски я рисую насчет передышки; никто не знает, сколько будет продолжаться передышка, и я не знаю. Смешны потуги тех, которые стараются из меня выжать, сколько будет продолжаться передышка. Благодаря сохраненным магистралям мы

помогаем и Украине и Финляндии. Используем передышку, маневрируя, отступая.

Немецкому рабочему уже сказать нельзя, что русские капризничают, ведь теперь ясно, что идет германо-японский империализм, и это будет ясно всем и каждому; кроме желания душить большевиков, у немца есть желание душить и на Западе, все перепуталось, и в этой новой войне придется и нужно уметь маневрировать.

Касаясь речи тов. Бухарина, я отмечаю, что, когда у него не хватает аргументов, он выдвигает нечто от Урицкого и говорит: «Договор нас шельмует». Тут аргументы не нужны: если мы ошельмованы, мы должны были бы собрать бумаги и убежать, но, хотя мы и «ошельмованы», я не думаю, чтобы наши позиции были поколеблены. Тов. Бухарин пытался анализировать классовую основу наших позиций, но вместо этого рассказал анекдот о покойном экономисте-москвиче. Когда нашли в нашей тактике связь с мешочничеством, то, – ей-богу, смешно, забыли, что отношение класса в целом, – класса, а не мешочников, – показывает нам, что русская буржуазия и все ее прихвостни – делонародовцы и новожизненцы^[20] – втравливают нас в эту войну всеми силами. Ведь этот классовый факт вы не подчеркиваете. Объявлять сейчас войну Германии, значит поддаваться на провокацию русской буржуазии. Это не ново, потому что это есть вернейший, – я не говорю: абсолютно верный, ничего абсолютно верного не бывает, – вернейший путь сбросить нас сей-

час. Когда тов. Бухарин говорил: жизнь за них, все кончится тем, что мы признаем революционную войну, – он праздновал легкую победу, ибо неизбежность революционной войны мы предсказывали еще в 1915 году. Наши разногласия были в том, что немец: наступит или нет; что нам надо было объявить состояние войны прекращенным; что надо в интересах революционной войны отступить физически, отдавая страну, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предписывают самый что ни на есть гнусный мирный договор. Наши разногласия исчезнут все, раз мы эту тактику признаем.

Краткое изложение напечатано 19 (6) марта 1918 г. в газете «Рабоче-Крестьянский Нижегородский Листок» № 54

3. Резолюция о войне и мире^[21]

Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижайший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику.

Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистских государств (как с За-

пада, так и с Востока) против Советской России. Историческая неизбежность таких наступлений при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных, классовых, а равно международных, отношений может в каждый, самый близкий момент, даже в несколько дней, привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Советской Республики в особенности.

Поэтому съезд заявляет, что первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне, для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и особенно в критические моменты жизни народа, – наконец, для всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям.

Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в пре-

вращении ее в международную рабочую революцию.

Съезд уверен, что с точки зрения интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим.

В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран.

Написано в марте, не позднее 8, 1918 г.

Впервые напечатано 1 января 1919 г. в газете «Коммунар» № 1

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

4. Выступления против поправок Троцкого к резолюции о войне и мире 8 марта^[22]

1

Товарищи, в своей речи я уже говорил, что ни я, ни мои сторонники не считаем возможным принятие этой поправки. Мы никоим образом ни в одном стратегическом манев-

ре связывать себе руки не должны. Все зависит от соотношения сил и момента наступления на нас тех или иных империалистических стран, от момента, когда оздоровление нашей армии, несомненно начинающееся, дойдет до того, что мы будем в состоянии и обязаны будем не только отказаться от подписания мира, но и объявить войну. Я согласен вместо тех поправок, которые предлагает тов. Троцкий, принять следующие:

Во-первых, сказать, – и это я буду безусловно отстаивать, – что настоящая резолюция не публикуется в печати, а сообщается только о ратификации договора.

Во-вторых, в формах публикации и содержании ЦК предоставляется право внести изменения в связи с возможным наступлением японцев.

В-третьих, сказать, что съезд дает полномочия ЦК партии как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии признает для этого момент подходящим.

Это полномочие порвать договоры в любой момент мы должны дать ЦК, но это никоим образом не значит, что мы порываем сейчас, в том положении, которое сегодня существует. Сейчас мы ничем не должны себе связывать рук. Слова, которые предлагает внести тов. Троцкий, соберут голоса тех, кто против ратификации вообще, голоса – за среднюю линию, которая снова создаст то положение, когда ни один рабочий, ни один солдат ничего не поймет в нашей резолю-

ции.

Мы сейчас постановим необходимость ратификации договора и дадим полномочия Центральному Комитету объявить войну в любой момент, потому что на нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск – это вполне возможно, но во всяком случае ни в отношении разрыва мирного договора, ни в отношении объявления войны мы не должны стеснять свое центральное учреждение ничем. Украинцам финансовую помощь мы даем, помогаем, чем можем. Во всяком случае, нельзя связывать себя тем, что мы никакого мирного договора не подпишем. В эпоху растущих войн, сменяющих одна другую, растут новые комбинации. Мирный договор есть одно живое маневрирование – либо мы на этом условии лавирования стоим, либо заранее формально связываем себе руки так, что нельзя будет двинуться: нельзя ни мириться, ни воевать.

2

Я, кажется, говорил: нет, я этого принять не могу. Эта поправка создает намек, выражает то, что хочет сказать тов. Троцкий. Намеки не следует ставить в резолюции.

Первый пункт говорит о том, что мы принимаем ратификацию договора, считая необходимым воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки пе-

ред наступлением империализма на Советскую социалистическую республику. Говоря о передышке, мы не забываем, что наступление на нашу республику продолжается. Вот моя мысль, которую я подчеркнул в заключительном слове.

5. Выступление против заявления группы «левых коммунистов» о поддержке поправки Троцкого 8 марта^[23]

Я лишен возможности ответить сейчас на полемику тов. Радека, – поскольку я не голосую, у меня нет мотивов голосования. В обычном порядке я ответить не могу, не хочу задерживать съезд просьбой дать мне слово для ответа на эту полемику. Напоминаю поэтому только сказанное в заключительном слове, а во-вторых, выражаю свой протест против того, чтобы слово по мотивам голосования превращалось в полемику, отвечать на которую я не в состоянии.

6. Дополнение к резолюции о войне и мире 8 марта

Я прошу слова для дополнения резолюции:

Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязывает всех членов партии хранить эту ре-

золюцию в тайне. В печать дается только – и притом не сегодня, а по указанию ЦК – сообщение, что съезд за ратификацию.

Кроме того, съезд особо подчеркивает, что Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистскими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну.

7. Выступление против поправки Зиновьева к дополнению к резолуции о войне и мире 8 марта

Я думаю, товарищи, что надобности в этой поправке, которую вносит тов. Зиновьев, нет^[24]. Я надеюсь, что в зале только члены партии, я думаю, что можно принять, ввиду государственной важности вопроса, решение взять личную подписку с каждого находящегося в этой зале.

Это вовсе не такая излишняя мера, мы находимся в условиях, когда военные тайны становятся для Российской республики очень важными вопросами, самым существенным. Если мы в печати скажем, что съезд признал ратификацию, то тогда недоразумения быть не может. Я только предлагаю не голосовать этого сейчас потому, что могут быть изменения: сегодня еще должны прийти сведения, у нас приняты специальные меры, чтобы нас информировали с северо-востока и юга, – эти известия могут кое-что изменить. Раз

съезд согласится, что мы должны маневрировать в интересах революционной войны, даст даже полномочия ЦК объявить войну, — ясное дело, что в этом у нас согласие обеих частей партии, спор только и состоял в том, продолжать ли без всякой передышки войну или нет. Я полагаю, что, внося такую поправку, я говорю вещь бесспорную для большинства и для оппозиции; думаю, что иных толкований быть не может. Я считаю более практическим подтвердить лишь о том, что надо держать ее в тайне. Кроме того, принять дополнительные меры и взять на этот счет личную подписку с каждого находящегося в зале.

8. Предложение по поводу резолуции о войне и мире 8 марта

1

Нельзя ли, ввиду того что была роздана резолюция, сейчас же принять решение, что всякий, получивший резолюцию, приносит ее на этот стол немедленно и тут же. Это есть одна из мер сохранения военной тайны.

2

Я прошу проголосовать. Наши партийные центры состо-

ят из взрослых людей, которые поймут, что сообщения, содержащие военную тайну, делаются устно. Я поэтому вполне настаиваю, чтобы немедленно все тексты резолюций, имеющиеся на руках, положить сюда на этот стол.

9. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта^[25]

Товарищи, по вопросу об изменении названия партии, как вы знаете, с апреля 1917 г. в партии развернулась довольно обстоятельная дискуссия, и поэтому в Центральном Комитете сразу удалось достигнуть не вызывающего, кажется, больших споров, а может быть, даже почти никаких, решения: именно, Центральный Комитет предлагает вам переменить название нашей партии, назвав ее Российской коммунистической партией, в скобках – большевиков. Это добавление мы все признаем необходимым, потому что слово «большевик» приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе, которая следит за развитием событий в России в общих чертах. Что название «социал-демократическая партия» научно неправильно, это уже также было разъяснено в нашей прессе. Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма, – буржуазного демократизма, – оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демокра-

тии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свой прообраз только в Парижской Коммуне, а про Парижскую Коммуну Энгельс выражался, что Коммуна не была государством в собственном смысле слова^[26]. Одним словом, поскольку сами трудящиеся массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять.

С другой стороны, начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот почему название коммунистической партии является единственно научно правильным. Возражение, что оно может подать повод к смешению нас с анархистами, в Центральном Комитете было сразу отвергнуто, потому что анархисты никогда не называют себя просто коммунистами, но с известными добавлениями. В этом отношении имеются вся-

кие разновидности социализма, однако они не ведут к смешению социал-демократов с социал-реформистами и с социалистами национальными и т. п. партиями.

С другой стороны, важнейшим доводом за перемену названия партии является то, что до сих пор старые официальные социалистические партии во всех передовых странах Европы не отделались от того угара социал-шовинизма и социал-патриотизма, который привел к полному краху европейского социализма, официального, во время настоящей войны, так что до сих пор почти все официальные социалистические партии являлись настоящим тормозом рабочего революционного социалистического движения, настоящей помехой ему. И наша партия, симпатии к которой в массах трудящихся во всех странах в настоящее время, безусловно, чрезвычайно велики, — наша партия обязана выступить с возможно более решительным, резким, ясным, недвусмысленным заявлением о том, что она свою связь с этим старым официальным социализмом рвет, и для этого перемена названия партии будет средством, наиболее способным достичь цели.

Дальше, товарищи, гораздо более трудным вопросом явился вопрос о теоретической части программы, о практической и политической части ее. Что касается до теоретической части программы, то мы имеем некоторые материалы, а именно: изданы были московский и петербургский сборники о пересмотре партийной программы^[27]; в двух главных

теоретических органах нашей партии: «Просвещении»^[28], выходявшем в Петербурге, и «Спартаке»^[29], выходявшем в Москве, были помещены статьи, обосновывавшие то или иное направление изменения теоретической части программы нашей партии. В этом отношении известный материал имеется. Намечались две основные точки зрения, которые, на мой взгляд, не расходятся, по крайней мере, коренным образом, принципиально; одна точка зрения, которую я защищал, состоит в том, что нам выкидывать старую теоретическую часть нашей программы нет оснований, и это было бы даже неправильно. Нужно только дополнить ее характеристикой империализма, как высшей ступени развития капитализма, а затем – характеристикой эры социалистической революции, исходя из того, что эта эра социалистической революции началась. Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, объективное положение империалистических стран, впутавшихся в эту войну, доведших до голода, разорения, одичания самые передовые страны, – положение объективно безвыходное. И тут надо сказать то, что тридцать лет тому назад, в 1887 г., говорил Фридрих Энгельс, оценивая вероятную перспективу европейской войны. Он говорил о том, как короны будут дюжинами валяться в Европе, и никто не захочет поднимать их, он говорил о том, какая невероятная разруха станет судьбой европейских стран и как ко-

нечным результатом ужасов европейской войны может быть лишь одно – он выразился так: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой»^[30]. На этот счет Энгельс выражался чрезвычайно точно и осторожно. В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лжеумствования, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой», т. е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса, и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо, каковы бы ни были разрушения культуры – ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении. Итак, вот одна точка зрения, что мы должны старую программу оста-

вить, дополнив ее характеристикой империализма и начала социальной революции.

Я эту точку зрения выразил в проекте программы, который был мною напечатан⁵. Другой проект был напечатан тов. Сокольниковым в московском сборнике. Другая точка зрения выражена была в наших беседах, в частности – тов. Бухариным, в печати – тов. В. Смирновым в московском сборнике. Эта точка зрения состояла в том, что надо либо совершенно вычеркнуть, либо почти удалить старую теоретическую часть программы и заменить новой, характеризующей не историю развития товарного производства и капитализма, как делала наша программа, а современную стадию высшего развития капитализма – империализм – и непосредственный переход к эре социальной революции. Мне не думается, чтобы эти две точки зрения расходились коренным образом и принципиально, но я буду отстаивать свою точку зрения. Мне кажется, что теоретически неправильно вычеркнуть старую программу, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Неверного в ней ничего нет. Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, а он привел к империализму. Это общая всемирно-историческая перспектива, и основы социализма забывать не следует. Каковы бы дальнейшие перипетии борьбы ни были, как бы много частных зигзагов нам ни пришлось преодолеть (а их будет очень много, – мы ви-

⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 147–162. *Ред.*

дим на опыте, какие гигантские изломы делает история революции, и только еще у нас; дело куда как пойдет сложнее и быстрее, темп развития будет более бешеным, и повороты будут более сложными, когда революция превратится в европейскую), – для того, чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, – в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной, – чтобы не затеряться в этих изломах, чтобы в периоды шагов назад, отступлений, временных поражений или когда нас история или неприятель отбросит назад, чтобы не затеряться, важно на мой взгляд и теоретически единственно правильно будет старую основную программу нашу не выкидывать. Ибо мы находимся сейчас только на первой переходной ступени от капитализма к социализму у нас, в России. История нам не дала той мирной обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу видим, как гражданская война многое затруднила в России и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического

общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн – войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха – эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов – она началась, мы ее ясно видим, – это только начало. Поэтому выбросить все, что относится к характеристике товарного производства вообще, капитализма вообще, – мы не имеем оснований. Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция, от того, как она легко, быстро или медленно справится со своими врагами и выйдет на торную дорогу социалистического развития. Этого мы не знаем, а программа марксистской партии должна исходить из абсолютно точно установленных фактов. Только в этом – сила нашей программы, которая через все перипетии революции подтвердилась. Только на этом базисе марксисты свою программу должны строить. Мы должны исходить из абсолютно точно установленных фактов, состоящих

в том, что развитие обмена и товарного производства во всем мире стало преобладающим историческим явлением, привело к капитализму, а капитализм перерос в империализм, – это абсолютно непреложный факт, нужно это прежде всего в программе установить. Что этот империализм начинает эру социальной революции, – это тоже факт, который для нас очевиден, о котором мы должны ясно сказать. На виду всего мира, констатируя этот факт в своей программе, мы факел социальной революции поднимаем не в смысле только агитационной речи, – поднимаем, как новую программу, говоря всем народам Западной Европы: «Вот то, что мы с вами вынесли из опыта капиталистического развития. Вот каков был капитализм, вот как он пришел к империализму, и вот та эра социальной революции, которая начинается и в которой первая роль по времени выпала на нашу долю». Мы выступим перед всеми цивилизованными странами с этим манифестом, который не будет только горячим призывом, который будет абсолютно точно обоснованным, получающимся из фактов, всеми социалистическими партиями признаваемых. Тем яснее будет противоречие между тактикой этих партий, теперь изменивших социализму, и теми теоретическими предпосылками, которые все мы разделяем, которые в плоть и кровь каждого сознательного рабочего перешли: развитие капитализма и переход его в империализм. Накануне империалистских войн съезды в Хемнице и в Базеле дали в резолюциях такую характеристику империализма, противо-

речие между которой и теперешней тактикой социал-предателей – вопиющее^[31]. Мы должны поэтому это основное повторить, чтобы тем яснее показать трудящимся массам Западной Европы, в чем обвиняют их руководителей.

Вот то основное, по которому я считаю такое построение программы единственно теоретически правильным. Отбросить, как будто старый хлам, характеристику товарного производства и капитализма – это не вытекает из исторического характера происходящего, ибо дальше первых ступеней перехода от капитализма к социализму мы не пошли, и наш переход усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет. Следовательно, не только возможно, но неизбежно, что в Европе эти переходные стадии будут иными; и поэтому фиксировать все внимание на тех национальных специфических переходных ступенях, которые для нас необходимы, а в Европе могут не стать необходимыми, это будет теоретически неправильно. Мы должны начать с общей базы развития товарного производства, перехода к капитализму и перерождения капитализма в империализм. Этим мы теоретически занимаем, укрепляем позицию, с которой нас ни один, не изменивший социализму, не собьет. Из этого дается столь же неизбежный вывод: эра социальной революции начинается.

Делаем это мы, оставаясь на почве непреложно установленных фактов.

Дальше, нашей задачей является характеристика совет-

ского типа государства. Я по этому вопросу старался изложить теоретические взгляды в книге «Государство и революция»⁶. Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствовавшим официальным социализмом Западной Европы, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и создания Советов в России. В наших Советах еще масса грубого, недоделанного, это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто присматривался к их работе, но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии социализма – это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне это было на несколько недель, в одном городе, без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили гениальным чутьем проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Народными массами, несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что есть пережиток мелкобуржуазного характера нашей страны, – несмотря на все это, новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране, в

⁶ См. Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 1–120. *Ред.*

нескольких нациях. Этот тип Советской власти себя показал, если он перебросился на столь отличную во всех отношениях страну, как Финляндия, где нет Советов, но тип власти опять-таки новый, пролетарский^[32]. Так это доказательство того, что теоретически представляется бесспорным, что Советская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой демократией, – демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы.

В России это едва только начато, и начато плохо. Если мы сознаем, что плохого в том, что мы начали, мы это преодолеем, если история даст нам возможность поработать над этой Советской властью сколько-нибудь порядочное время. Поэтому мне кажется, что характеристика нового типа государства должна занять выдающееся место в нашей программе. К сожалению, нам пришлось работать теперь над программой в условиях работы правительства, в условиях такой невероятной спешки, что нам не удалось даже созвать свою комиссию, выработать официальный проект программы. То, что роздано товарищам делегатам, названо лишь черновым наброском⁷, и всякий это ясно увидит. В нем вопросу о Советской власти посвящено довольно большое место, и мне кажется, что тут международное значение нашей программы

⁷ См. настоящий том, стр. 70–76. *Ред.*

должно сказаться. Было бы крайне ошибочным, мне кажется, если бы мы международное значение нашей революции ограничивали призывами, лозунгами, демонстрациями, воззваниями и т. д. Этого мало. Мы должны конкретно показать европейским рабочим, за что мы взялись, как взяли, как это понимать, это толкнет их конкретно на вопрос, как социализма добиться. Тут они должны посмотреть: русские берутся за хорошую задачу, и если берутся плохо, то мы делаем это лучше. Для этого как можно больше конкретного материала нужно дать и сказать, что нового мы создать попытались. В Советской власти мы имеем новый тип государства; постараемся обрисовать его задачи, конструкцию, постараемся объяснить, почему этот новый тип демократии, в котором так много хаотического, несуразного, что составляет в нем живую душу – переход власти к трудящимся, устранение эксплуатации, аппарата для подавления. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса, аппарат должен быть связан с массами, должен ее представлять, как Советы. Они гораздо ближе к массам, они дают возможность стоять ближе к ней, они дают больше возможности воспитывать эту массу. Мы знаем прекрасно, что русский крестьянин стремится к тому, чтобы учиться, но мы хотим, чтобы он учился не из книг, а из собственного опыта. Советская власть есть аппарат – аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управ-

лению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача. Но исторически важно то, что мы беремся за ее решение, и решение не только с точки зрения лишь нашей одной страны, но и призывая на помощь европейских рабочих. Мы должны сделать конкретное разъяснение нашей программы именно с этой общей точки зрения. Вот почему мы считаем, что это есть продолжение пути Парижской Коммуны. Вот почему мы уверены, что, вставши на этот путь, европейские рабочие сумеют нам помочь. Им лучше сделать то, что мы делаем, причем центр тяжести с формальной точки зрения переносится на конкретные условия. Если в старое время было особенно важно такое требование, как гарантия права собраний, то наша точка зрения на право собраний состоит в том, что никто теперь не может помешать собраниям, и Советская власть должна обеспечить только зал для собраний. Для буржуазии важно общее прокламирование широковещательных принципов: «Все граждане имеют право собираться, но собираться под открытым небом, – помещений мы вам не дадим». А мы говорим: «Поменьше фраз и побольше сути». Необходимо отобрать дворцы, – и не только Таврический, но и многие другие, – а о праве собраний мы молчим. И это надо распространить на все остальные пункты демократической программы. Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению госу-

дарством поголовно всех трудящихся. Это – гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций. Вот почему, если мы эти наши задачи конкретно и ясно выскажем, мы толкнем все европейские массы на обсуждение этого вопроса и на практическую его постановку. Мы, может быть, делаем плохо то, что необходимо делать, но мы толкаем массы на то, что они должны делать. Если то, что делает наша революция, не случайность, – а мы в этом глубоко убеждены, – не продукт решения нашей партии, а неизбежный продукт всякой революции, которую Маркс назвал народной, т. е. такой, которую творят народные массы сами своими лозунгами, своими стремлениями, а не повторением программы старой буржуазной республики, – если мы это ставим так, то мы достигнем самого существенного. И здесь мы подходим к вопросу о том, следует ли уничтожать различия между программами максимум и минимум. И да и нет. Я не боюсь этого уничтожения, потому что та точка зрения, которая была еще летом, теперь не должна иметь места. Я говорил «рано» тогда, когда мы еще не взяли власти, – теперь, когда мы эту власть взяли и ее испытали, – это не рано⁸. Мы должны теперь вместо старой программы писать новую

⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 372–376. *Ред.*

программу Советской власти, нисколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад, – утопия.

Исторически отрицать нельзя, что Россия создала Советскую республику. Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, – если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, – мы будем идти к тому, что опытом завоевано, – к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе. Вместо программы-минимум мы введем программу Советской власти. Характеристика нового типа государства должна занять видное место в нашей программе.

Ясно, что мы сейчас не можем выработать программу. Мы должны выработать основные ее положения и сдать в комиссию или в Центральный Комитет для выработки основных тезисов. Даже проще: разработка возможна на основании той резолюции о Брест-Литовской конференции, которая дала уже тезисы⁹. На основании опыта русской революции должна быть сделана такая характеристика Советской власти и затем предложение практических преобразований. Здесь, мне кажется, в исторической части нужно заметить, что сейчас начата экспроприация земли и производства^[33]. Мы здесь ставим конкретную задачу организации потребле-

⁹ См. настоящий том, стр. 35–36. *Ред.*

ния, универсализации банков, превращения их в сеть государственных учреждений, всю страну охватывающих и дающих нам общественное счетоводство, учет и контроль, проведенный самим населением, лежащий в основе дальнейших шагов социализма. Я думаю, что эта часть, наиболее трудная, должна быть формулирована в виде конкретных требований нашей Советской власти, – что мы сейчас же сделать хотим, какие реформы намерены провести в области банковской политики, в деле организации производства продуктов, организации обмена, учета и контроля, введения трудовой повинности и пр. Когда удастся, мы дополним, какие шаги, шажки и полушажки мы сделали в этом отношении. Тут должно быть совершенно точно, ясно определено то, что у нас начато, то, что не доделано. Мы все прекрасно знаем, что громадная часть начатого нами не доделана. Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся. Эту правду мы покажем европейскому пролетариату и скажем: это надо делать, – чтобы они говорили: то-то и то-то русские делают плохо, а мы делаем лучше. И, когда это стремление увлечет массы, тогда социалистическая революция будет непобедима. На глазах у всех совершается империалистическая война, насквозь грабительская. Когда на глазах у всех империалистическая война обнажает себя, превращается в войну всех империалистов против Советской власти, против социализма – это даст еще

один новый толчок пролетариату Запада. Нужно обнажать это, обрисовать войну, как объединение империалистов против социалистического движения. Вот те общие соображения, которыми я считаю необходимым поделиться с вами и на основании которых я делаю практическое предложение сейчас обменяться основными взглядами по этому вопросу и затем выработать, может быть, несколько основных тезисов здесь же, а сейчас, если это будет признано трудным, отказаться от этого и сдать вопрос о программе Центральному Комитету или особой комиссии, которой поручить, на основании имеющихся материалов и на основании стенографических или подробных секретарских отчетов съезда, составить программу партии, которая должна сейчас же изменить свое название. Мне кажется, мы можем осуществить это в настоящее время, и я думаю, что все согласятся с тем, что при той неподготовленности нашей программы в редакционном отношении, на которой застали нас события, сейчас ничего другого сделать нельзя. Я уверен, что за несколько недель мы можем это сделать. У нас достаточно теоретических сил во всех течениях нашей партии, чтобы в несколько недель получить программу. В ней, конечно, может быть много ошибочного, не говоря уже о редакционных и стилистических неточностях, потому что у нас нет месяцев для того, чтобы за эту работу засесть со спокойствием, необходимым для редакторской работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Седьмой Экстренный съезд РКП(б) – первый съезд Коммунистической партии после победы Великой Октябрьской социалистической революции – состоялся 6–8 марта 1918 года в Петрограде в Таврическом дворце. Он был созван для окончательного решения вопроса о заключении мирного договора с Германией, по которому внутри партии шла напряженная борьба.

2.

Речь идет о капитулянтской позиции Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, А. И. Рыкова и некоторых других членов Центрального Комитета партии и Советского правительства, выступавших после Октябрьской социалистической революции в поддержку эсеро-меньшевистского требования создать «однородное социалистическое правительство» (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 44–46, 47–49).

3.

Этот довод против подписания условий мира, продиктованных Германией, выдвигался «левыми коммунистами» на совещании членов ЦК с партийными работниками 8 (21) января 1918 года. В. В. Оболенский (Н. Осинский) утверждал, что «германский солдат не пойдет на наступление», а Е. А. Преображенский пытался

доказать, что германская армия «технически не может наступать: зима, дорог нет...». Ошибочность и вредность подобных утверждений раскрыта В. И. Лениным в статье «О революционной фразе» (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 343–353).

4.

Вскоре после опубликования ленинского Декрета о мире, принятого II Всероссийским съездом Советов, Советское правительство обратилось с нотой к странам Антанты, в которой предлагало немедленно заключить перемирие на всех фронтах и начать мирные переговоры. Отказ империалистов Антанты поддержать инициативу Советского правительства и активное противодействие с их стороны заключению мира вынудили Совет Народных Комиссаров начать сепаратные переговоры о мире с Германией. После предварительных переговоров и заключения перемирия, в Брест-Литовске 9 (22) декабря 1917 года открылась мирная конференция, в которой приняли участие делегации Советской России и держав Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция). На конференции советская делегация огласила декларацию, исходящую из положений Декрета о мире. В ней содержались предложения о заключении справедливого и демократического мира, без аннексий и контрибуций. Делегация германского блока после ряда маневров заявила о неприемлемости советских

предложений и 5 (18) января 1918 года предъявила Советской России тяжелые, грабительские условия мира, согласно которым под контроль Германии должны были перейти Польша, Литва и частично территория Латвии, Эстонии, Украины и Белоруссии.

5.

Речь идет об опубликовании Советским правительством документов тайной дипломатии и тайных договоров, заключенных царским, а затем Временным буржуазным правительством России и правительствами Англии, Франции, Италии, Японии, Австро-Венгрии и других империалистических государств. Начиная с 10 (23) ноября 1917 года документы тайной дипломатии и договоры публиковались в газетах, а затем были изданы в виде «Сборников секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел». С декабря 1917 по февраль 1918 года вышло семь сборников.

6.

Речь идет об обязательной присяге-подписке на верность царю, дававшейся депутатами III Государственной думы. Так как отказ от присяги вел к потере думской трибуны, необходимой для мобилизации пролетариата на революционную борьбу, социал-демократические депутаты подписывали присягу вместе со всеми депутатами Думы.

7.

Термин «международная полевая революция» употребил В. В. Оболенский (Н. Осинский) в «Тезисах по вопросу о войне и мире», написанных им к заседанию ЦК партии 21 января (3 февраля) 1918 года и опубликованных 14 марта в газете «левых коммунистов» «Коммунист» № 8. Разъясняя этот термин, Оболенский писал: «Революционная война, как полевая гражданская война, не может иметь характера правильных военных действий общенациональных армий, производящих стратегические операции... Военные действия носят характер партизанской борьбы (аналогичной борьбе баррикадной), мешаются с классовой агитацией».

8.

Тильзитский мирный договор, заключенный в июле 1807 года между Францией и Пруссией, возлагал на Пруссию тяжелые и унижительные обязательства. Пруссия потеряла большую территорию, на нее была наложена контрибуция в размере 100 млн. франков; она обязывалась сократить свою армию до 40 тысяч человек, выставить по требованию Наполеона вспомогательные военные силы и прекратить торговлю с Англией.

9.

«Коммунист» – ежедневная газета, фракционный орган группы «левых коммунистов»; выходила в Петрограде с 5 по 19 марта 1918 года как орган Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП. Всего вышло 11 номеров. Издание газеты было прекращено по постановлению Петроградской общегородской партийной конференции 20 марта 1918 года. Конференция признала, что политика Петроградского комитета, выраженная на страницах газеты «Коммунист», была глубоко ошибочной и что она ни в какой мере не отражает позиции петроградской организации Коммунистической партии. Органом петроградской партийной организации вместо «Коммуниста» конференция объявила «Петроградскую Правду».

10.

В. И. Ленин имеет в виду, по-видимому, дни от начала наступления германских войск – 18 февраля – до прибытия советской делегации в Брест-Литовск 28 февраля 1918 года. Наступление немецких оккупантов продолжалось по 3 марта – день подписания мирного договора.

11.

Революция в Финляндии началась 27 января 1918 года по призыву руководства Социал-демократической партии Финляндии. Буржуазное правительство Свинхувуда было

свергнуто, власть перешла в руки рабочих. 29 января было создано революционное правительство Финляндии – Совет народных уполномоченных, в которое вошли Э. Гюлинг, О. Куусинен, Ю. Сирола, А. Тайми и другие. Важнейшими мероприятиями рабочего правительства были: принятие закона о безвозмездной передаче безземельным крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность, освобождение беднейших слоев населения от всех налогов, экспроприация предприятий, принадлежавших сбежавшим владельцам, установление государственного контроля над частными банками (их функции были переданы государственному банку) и другие.

12.

Речь идет о резолюции, принятой Московским областным бюро РСДРП 24 февраля 1918 года. Критику этого антипартийного документа см. в статье В. И. Ленина «Странное и чудовищное» (Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 399–407).

13.

В. И. Ленин имеет в виду беседу с французским офицером графом де Люберсак, состоявшуюся 27 февраля 1918 года.

14.

Имеется в виду обращение Народного комиссариата по

военным делам, которое призывало всех рабочих и крестьян Советской республики к добровольному военному обучению. Необходимость перехода к добровольному изучению военного дела вызывалась тем, что русская армия по условиям мирного договора с Германией подлежала полной демобилизации. Обращение было опубликовано 5 марта 1918 года в газете «Известия ВЦИК» № 40.

15.

Каносса – замок в Северной Италии. В 1077 году германский император Генрих IV, потерпев поражение в борьбе против римского папы Григория VII, три дня простоял в одежде кающегося грешника перед воротами этого замка, чтобы снять с себя отлучение от церкви и вернуть власть императора. Отсюда и возникло выражение «идти в Каноссу» – идти с повинной, идти на унижение перед противником.

16.

По договору о перемирии, заключенному 2 (15) декабря 1917 года в Брест-Литовске между Советским правительством и державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция), одна из сторон могла возобновить военные действия с предупреждением за 7 дней. Германское военное командование нарушило это условие, начав наступление по всему фронту 18 февраля –

через два дня после объявления о прекращении перемирия.

17.

Согласно статье VI Брестского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 года, Россия обязывалась заключить мир с контрреволюционной украинской Центральной радой. Переговоры о мире между Советским правительством и Радой в то время не состоялись. 29 апреля 1918 года германские оккупанты с помощью кадетско-октябристской буржуазии совершили на Украине переворот, Рада была сброшена и заменена диктаторским режимом гетмана Скоропадского. Переговоры между Советской Россией и правительством Скоропадского начались 23 мая; перемирие было подписано 14 июня 1918 года.

18.

Левые эсеры – партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов); организационно оформилась на своем I Всероссийском съезде, состоявшемся 19–28 ноября (2–11 декабря) 1917 года. До этого левые эсеры существовали как левое крыло партии эсеров, которое начало складываться в годы мировой империалистической войны; во главе его стояли М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков и М. А. Натансон (Бобров). На II Всероссийском съезде Советов левые эсеры составляли большинство фракции эсеров, расколовшейся по вопросу об участии в съезде:

правые эсеры, выполняя указание ЦК партии эсеров, покинули съезд, а левые эсеры остались на съезде и по важнейшим вопросам повестки дня голосовали вместе с большевиками, ответив, однако, отказом на предложение большевиков войти в Советское правительство.

19.

12 марта – предполагавшийся срок созыва IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов для решения вопроса о ратификации мирного договора. Съезд состоялся 14–16 марта 1918 года.

20.

Делонародовцы – правые эсеры, группировавшиеся вокруг газеты «Дело Народа», органа партии эсеров. Газета издавалась в Петрограде с марта 1917 до июля 1918 года, неоднократно меняя названия. Газета занимала позицию оборончества и соглашательства, поддерживала буржуазное Временное правительство. Издание газеты возобновилось в октябре 1918 года в Самаре (вышло четыре номера) и в марте 1919 года в Москве (вышло десять номеров). Газета была закрыта за контрреволюционную деятельность.

21.

Резолюция о войне и мире была принята 8 марта на утреннем заседании съезда партии. По предложению В. И.

Ленина, утвержденному съездом, резолюция не подлежала публикации (см. настоящий том, стр. 40). Впервые она была напечатана 1 января 1919 года в ежедневной рабочей газете «Коммунар», которая издавалась ЦК РКП(б) в Москве с 9 октября 1918 по 1 июня 1919 года.

22.

При обсуждении резолюции В. И. Ленина о войне и мире Л. Д. Троцкий, поддержанный «левыми коммунистами», выступил с поправками, запрещавшими Советскому правительству подписать мир с украинской Центральной радой и финляндским буржуазным правительством. После выступления Ленина против попытки Троцкого и «левых коммунистов» лишить ЦК свободы маневрирования съезд большинством голосов отклонил эти поправки.

23.

С заявлением от имени группы «левых коммунистов» выступил К. Радек; в своем выступлении он пытался продолжить полемику по вопросу о войне и мире.

24.

Г. Е. Зиновьев предлагал поручить новому составу ЦК найти форму опубликования резолюции о войне и мире. Поправка Зиновьева не была принята; большинством голосов съезд утвердил дополнение В. И. Ленина.

25.

Вопрос о пересмотре партийной программы был поставлен В. П. Лениным после Февральской буржуазно-демократической революции. В «Наброске к пятому «Письму из далека»» Ленин определил основные направления изменения программы, указав, что «за эту работу надо взяться тотчас» (Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 58–59). Намеченные в этом наброске положения Ленин развил в Апрельских тезисах, в докладе о пересмотре партийной программы на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) и других документах (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 116, 410–413). К Апрельской конференции Ленин написал «Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы», содержащий ряд поправок к программе РСДРП 1903 года (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 139–144). Этот проект в гранках был роздан делегатам конференции. Апрельская конференция поручила Центральному Комитету в двухмесячный срок составить к VI съезду партии проект партийной программы.

26.

В. И. Ленин излагает положения из письма Ф. Энгельса А. Бебелю от 18–28 марта 1875 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 296).

27.

Речь идет о сборниках «Материалы по пересмотру партийной программы». Под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Петроград, изд. «Прибой», 1917 (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 135–162) и «Материалы по пересмотру партийной программы. Сборник статей: В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова и В. Смирнова», изд. Областного бюро Московского промышленного района РСДРП, 1917.

28.

«Просвещение» – ежемесячный большевистский теоретический журнал, созданный по инициативе В. И. Ленина; издавался легально в Петербурге с декабря 1911 года. Тираж журнала доходил до 5 тысяч экземпляров. Ленин из-за границы руководил «Просвещением», редактировал статьи, вел регулярную переписку с членами редакционной коллегии. В журнале был опубликован ряд его работ, среди них – «Три источника и три составных части марксизма», «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение» и другие. Накануне первой мировой войны, в июне 1914 года, журнал был закрыт царским правительством» Осенью 1917 года издание его возобновилось, но вышел только один (двойной) номер, № 1–2 (сентябрь – октябрь), в котором была напечатана статья Ленина «К пересмотру партийной

программы».

29.

«Спартак» – теоретический журнал Московского областного бюро, Московского комитета и (с № 2) Московского окружного комитета РСДРП; выходил в Москве с 20 мая (2 июня) по 29 октября (11 ноября) 1917 года.

30.

В. И. Ленин излагает написанное Ф. Энгельсом 15 декабря 1887 года «Введение к брошюре Боркхейма «На память урапатриотам 1806–1807 годов»» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 361). Более полно Ленин цитирует эти положения Ф. Энгельса в статье «Пророческие слова» (см. настоящий том, стр. 472–478).

31.

Хемницкий съезд германской социал-демократии, состоявшийся 15–21 сентября 1912 года, принял резолюцию «Об империализме», в которой характеризовал политику империалистических государств как «беззастенчивую политику грабежей и захватов» и призывал рабочий класс «с усиленной энергией бороться против империализма до тех пор, пока он не будет низвергнут».

32.

В. И. Ленин имеет в виду революционное правительство Финляндии – Совет народных уполномоченных, – созданное 29 января 1918 года после свержения буржуазного правительства Свинхувуда. Наряду с Советом народных уполномоченных был образован Главный совет рабочих организаций, являвшийся верховным органом власти. Основу государственной власти в стране составляли «сеймы рабочих организаций», избиравшиеся организованными рабочими.

33.

Декретом о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 года, объявившим конфискацию помещичьей земли и отменившим частную собственность на землю, в Советской России была осуществлена национализация земли. После победы Октябрьской социалистической революции Советская власть постепенно проводила национализацию промышленности и основных средств производства. К весне 1918 года в собственность государства перешли наиболее крупные заводы металлургической и машиностроительной промышленности Петрограда, Москвы и других районов; горная промышленность Урала и Донбасса. С мая 1918 года началась национализация целых отраслей крупной промышленности – сахарной, нефтяной и других. Вместе с тем Советское правительство подготавливало национализацию всей крупной промышленности, которая

была провозглашена декретом от 28 июня 1918 года.